

ЭМИГРАЦИЯ

Эти люди, уехавшие первыми, были живой рекламой эмиграции. Оставшиеся дома, каждый день сталкиваясь с проблемами жизни, начинали подумывать, а не закончить ли все трудности одним махом, – уехав из Союза на Запад. Дома все прибрано, уютно. На полу ковры. Только не трещит уж печка, своими огнями не наполняет комнату, уже несколько лет провели газ, и у нас теперь центральное отопление. Прежде бывало зимними вечерами сидишь у потрескивающей печи, смотришь на освещенное ее огнем лицо деда, который потихоньку все подкладывает дрова в огонь и смотрит пристально, словно о чем-то думает. К ужину, выходил папа из своего кабинета, а после читал нам вслух Пушкина.

Бу-уря мгло-ою небо кро-оет,
Ви-ихри сне-ежные крутя...

Смотришь в окно, на освещенный двор, заметенный снегом, на котором поздний гость или пробежавшая кошка проложили дорожку следов, слушаешь звуки папиного голоса, музыку стиха, скрип отворяющейся и затворяющейся дверцы печи, треск огня, возню деда с дровами, дышишь, припав к холодному стеклу, вспоминаешь сказочных героев, и на минуту этот двор со спящим под снегом виноградником покажется дремучим лесом, а следы кота превращаются в следы зайца. Кажется, что голодные волки рыщут неподалеку, кажется, это они принимают и трутся под окнами: словно я слышу звуки сопения и шелеста под стенами дома, и так жутко и хорошо от этого становится. Чувствуешь себя такой защищенной в стенах своего дома.

* * *

Почему же мой отец решил эмигрировать? Что такое наша эмиграция? Дурь безумного мужчины, искалечившая мою жизнь? Или мудрый поступок самоотверженного героя, вырвавшего своих слепых наивных птенцов из огня, о котором глупые детеныши и не подозревали, живя, как он говорит, под его крылом? Мне очень важно это понять. Я признаю все те трудности, с которыми моя семья столкнулась на протяжении жизни в той стране, уважаю я и свободу человека. Непонятным остается для меня другое: разве в Америке – или где-либо на земле – жизнь идеальная? Здесь, в Америке, полно своих трудностей! Там мы хоть знали, как со своими трудностями бороться, это был наш брод, плохой ли – хороший, – но свой. А здесь – все чужое, мы здесь, как беспомощные дети. Разве, эмигрировав в Америку, мы избавились от трудностей жизни? Вот еще что удивительно: толпища людей валят и валят из Советского Союза. Люди даже в тюрьмах сидели, чтобы получить эту свободу!

В свободной же Америке ни одному американцу не приходит в голову эмигрировать из своей страны. Ни одному! Даже самым несчастным бомжам, которые живут на улицах и питаются на помойках не приходит в голову эмигрировать

в другую страну. Почему? Как? Откуда возник этот массовый психоз: что все поголовно, даже очень хорошо живущие в Союзе люди, умудряются найти в своей жизни какие-то изъяны и мечтают об Америке? Откуда взялась сама мечта?

БОМЖ

Войдя в вагон, я увидела, что одна в вагоне, с каким-то бомжом, излучающим зловоние и о чем-то горько плачущим. Он тоже был пьян, как и я. Неожиданно для себя, я совсем другими глазами увидела сейчас этого бомжа. Мне всегда казалось, что бомжи – это не люди, или, вернее, какие-то второсортные, неполноценные люди. Сейчас, я вдруг увидела, что между ним и мной, расстояние – один шаг. Неожиданно, я обнаружила, что почти уже там же, где этот бомж: опустившаяся, потерянная, никому не нужная, ни на что непригодная, пьяная, не достойная называться человеком. Я вдруг поняла, что нормальные, хорошие, талантливые люди, волею судьбы, при определенном стечении обстоятельств, могут опуститься до того, чтобы стать такими, как этот бомж. Если бы мне это кто-нибудь сказал раньше, я бы не поверила. На собственной шкуре испытал, как деградирует человек, когда на него наваливаются несчастья, против которых он бессилен, я впервые поняла: бомжами не рождаются, а становятся. Главное же, бомжами становятся, не обязательно по собственной глупости или вине, а в силу – обстоятельств... Неужели “обстоятельства” – могут случиться с каждым... даже со мной?! Я чувствовала, что попала под какую-то мощную равнодушную машину, в борьбе против которой, все мои силы, мой ум, моя воля, все, на что я так рассчитывала в жизни, превращались в ничто. Я была как муравей против ураганной стихии, против этой силы, названия которой я не знала, но порабощающую силу, которой хорошо чувствовала на себе. В каком-то оцепенении, я села рядом с бомжем, мне было глубоко наплевать, войдет ли кто на следующей остановке, что этот, кто-то подумает... я и этот бомж были оба одинокие, никому не нужные люди, оба упившиеся в дупель, оба махнувшие на себя рукой. Мы платили людям презрением за презренье. Если враждебный мир так жесток к нам, то и нам насрать на него. Я сижу, пьяная, рядом с бомжем и реву, вместе с ним. Он сидит, издавая зловоние, он по жизни не моется, не следит за собой... Мы бросаем миру вызов: нам тоже насрать на тебя – мир! Я плачу о том, что мне остался последний шаг: перестать мыться и одеваться нормально, во всем остальном, я ничем не отличаюсь от этого бомжа. О чем плачет он? О своей загубленной жизни, разумеется. Как он до этого дошел? Я не знаю, да и нет у меня желания им интересоваться. Мне не до него. И не до гуманизма. Помимо своего желания, я теперь понимаю, он дошел до этого своего состояния – не просто так. Вот как мы все начинаем понимать, когда на своей шкуре через что-то проходим.

* * *

Как же случилось, что я, видевшая себя чуть ли не гением, теперь вдруг за-стала себя превратившейся в хорошо одетого и помытого бомжа? Как случился этот переход? Незаметно, исподволь, маленький шаг за маленьким шагом – вниз. В течение уже ни одного года, я наблюдаю, очень внимательно, за своей внутренней жизнью вижу, как вместо того, чтобы развиваться и самосовершенствоваться, я – Д Е Г Р А Д И Р У Ю. Я прикладываю нечеловеческие усилия, чтобы плыть вперед, а мощная стихийная сила относит меня назад. Разве против мощи океана, реально бороться человеку, пусть даже очень сильному? Уносит стихия, как щепку и все титанические усилия человека, просто смешны...

ПРОТИВОЕСТВЕСТВЕННОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

Я понимала, что с помощью Алика я пыталась убежать от себя. Я понимала, что исполнение песен – это всего лишь дурман. Ничего реально ценного в Алике для меня не было. Исполнить песни великих бардов может любой идиот. Или почти любой. Вот написать такие песни... от этого Алик был далек так же, как я была далека от его гашиша и джина. Было и то, что нас объединяло. Он мечтал стать большим музыкантом. Я мечтала стать большим писателем. Оба мы сидели в своих темных кельях и протестовали против мира, которому нужны были только программисты и бухгалтеры. Вот все. Его музыка была чужой мне. Я ее не понимала. А то, что он мне пел, для него было не более чем орудием, чтобы покорить меня, я видела это. Когда же на следующий день, вечером, Алик снова позвонил мне, повинувшись какому-то необъяснимому закону, я не могла сказать ему «нет». Мало этого, где-то глубоко в подсознании я запомнила то, что осталось во мне после Рона. Если девушка с третьего свидания не ложится в постель с парнем, эта девушка умирает для него. Алик угощает меня джином с тоником.

– Ты попробуй! Просто один глоток! Ты увидишь, как ты приторчишь!

– Что сделаю? – спрашиваю я.

– Ты не знаешь, что такое «приторчишь»? – ласково улыбается Алик. –

Мила-а-аша! Какая ты сладенькая!

Я пытаюсь объяснить ему, что если мне хорошо, то мне вовсе незачем пить джин, мне и так хорошо. Он смотрит на меня с восхищением и говорит о том, какие у меня роскошные длинные волосы, какие чудесные пухлые губы. В какой-то момент он вскакивает за фотоаппаратом, он считает, что не может не запечатлеть, какое особенное выражение у меня на лице. Наконец он снова берет гитару, и я снова погружаюсь в тепло и счастье. Теперь эта худощавая фигурка в мягкой байковой рубашечке, эти шелковистые темные волосы, спадающие на нежную полу-

девичью шею, эти худющие волосатые руки и манера слегка горбиться, поджимать одну ногу под гитару – все это теперь является неотъемлемой частью тепла и счастья. ...«Если девочка в одно из первых трех свиданий не ляжет с парнем в постель, то любой уважающий себя парень больше не придет к ней»...

Я смотрю на Алика и улыбаюсь. Интуиция подсказывает мне, что Алик – другое дело, он будет звонить и будет приезжать долго–долго, даже просто на дружеских основаниях.

– А может, ну их к черту, эти принципы! Идеалы! Кому все это нужно? Я уже вижу, что никому. В конце концов, кто узнает, что ты сегодня здесь делала с Аликом? Может, и впрямь все это комплексы?..

Я чувствую его двигающиеся губы у себя на коже, в то время как он поет, и улыбка его кажется мне родной. Он уговорил меня выпить этого джина с тоником, и я теперь валяюсь с ног. А черт с ними, с принципами; как хорошо было бы повалиться в его объятия, прижаться к его теплому тонкому телу с парусообразной спиной. Его чрезмерная худоба, которая вначале меня отталкивала, теперь уже не имела значения. То, что он был духовно чужой мне, – тоже. Каким–то странным образом меня тянуло к нему. Все сливалось в одно волшебство: эта мрачная келья из романа Достоевского, грубые и нежные голоса бардов, от каждого звука которых оживало и приходило в движение все женское, что спало на дне меня, и все человеческое, что составляло костяк мой, крепость спиртных напитков, аура его мальчишеских рук, грубо обнимающих гитару, теплая волосатая грудь под байковой рубашечкой, этот сизовато–пепельный грубоватый, головокружительный мальчишеский мир с шершавыми джинсами, грубыми сапогами и нежными неизведанными объятиями. Я проснулась поздно ночью и увидела себя лежащей в чужой постели. Алик лежал рядом и с нежностью и восторгом смотрел на меня.

– Господи, когда это я отрубилась? – спросила я.

– Какая ты красивая, когда спишь! – нежно проводя рукой по моей коже, отвечал Алик.

– А почему ты не спишь? – спросила я, глядя на Алика, озаренного слабой лампой включенного приемника.

– Как же я могу спать, когда ты рядом! – сказал он, и в тембре его мягкого голоса я узнавала тот голос, который пел. – Я лежу, смотрю на тебя, как ты дышишь, и, знаешь, я так счастлив. Господи, матушка, если бы ты только себя увидела сейчас, какая ты красивая после сна! Его теплые руки и губы вливали тепло в мое съезженное от холода и длительного одиночества тело. Какой же он был ласковый, этот Алик! Он целовал и ласкал меня часами напролет, и я чувствовала, что оживаю, как засохшее растение, которое наконец стали поливать.

Когда наступило утро, мы продолжали лежать в постели, и он, как и я, все не мог насытиться ласками и поцелуями. Вот, оказывается, как бывает... а Леня ни-

когда меня больше пяти минут не целовал. Когда мы вышли на улицу, чтобы купить чего-нибудь поесть, уже темнело. Выпал снег, и было ослепительно ярко от снега, сверкавшего под фонарями.

МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ

Когда рабочий день, наконец, затихает и мы едем домой, я наконец, рассказываю Гарику свои мысли о том, как помочь его бизнесу приносить больше прибыли, при том, чтобы затрачивать меньше сил.

– Сколько стоит вывеска, которую китаец сегодня заказал? – спрашиваю я Гарика.

– Тридцать пять долларов. – отвечает Гарик.

– Тридцать пять долларов... – повторяю я, как бы взвешивая. – А возился ты с ним, знаешь сколько?

– Знаю, но что же делать?

– Сорок минут! Сорок минут твоего времени, твоих сил, твоей энергии, за тридцать пять долларов?! Вычти из них еще стоимость материалов, оплаты рабочих, что тебе остается?

– Двадцать процентов от стоимости. Это нормально для Америки. Так работают средний и малый бизнес. Двадцать процентов от оборота считается хорошо.

– Плевать мне на Америку и на то, что там у них считается. Тридцать пять долларов, это вообще не те деньги, за которые ты должен тратить, даже минуту своего времени, не то что сорок! Двадцать процентов от тридцати пяти – это семь долларов. Семь долларов в час получает уборщица. А ты за сорок минут. Ужас!

– Ты права. Но мне нужно каждый месяц платить рент,* (арендную плату за помещение, от англ – rent) платить зарплаты. Я вынужден возиться с этими мелкими заказами, потому что, на них я держусь. Их большинство. Если я буду ждать только крупные заказы, я вылечу в трубу.

– Потому что, ты сам так поставил бизнес. То на чем ты концентрируешься, растет у тебя. Это закон. Ты чересчур занят, обслуживая эту пузатую мелочь: при такой занятости невозможно сконцентрироваться на том, чтобы привлекать крупные заказы. Крупные заказы, ведь сами не придут к тебе. А ты попробуй, высвободи себя от мелочевки! Не бери ее – совсем! Сконцентрируйся только на крупном. Как следует сконцентрируйся: дай другую рекламу, нацеленную только на крупняк, удели больше внимания качеству производимых вывесок. Если ты сделаешь одному хорошую вывеску, по его рекомендации, придет другой. Эти здоровые билборды,* (рекламные щиты, от англ – billboards) сколько они стоят?

– Разные цены. Две, три, четыре тысячи.

– Вот, за это еще можно пол-часа поугаваривать. Но не за тридцать пять долларов!

– Я бы сам рад, Малыш. Но нет таких клиентов.

– Их нет, потому что ты ничего для этого не делаешь. Ты перегружен исполнением копеечных заказов. Пока ты так расточительно тратишь энергию на эту ерунду, ты не сможешь, как подобает, сконцентрироваться на крупном.

– Легко тебе говорить.

– Легко. Правда, легко. Если бы я не была уже продана своему писанию, я бы тебе показала, конкретно, как это сделать. Сейчас, могу давать только советы. Бесплатно.

– Да-а... – говорит Гарик, – хотел бы я на тебя посмотреть.

– А я бы хотела тебе продемонстрировать. Прост это не дело пяти минут или одного дня, как например, заняла уборка. Этим надо заниматься долго, чтобы поставить все на рельсы. А посвятить свою жизнь вывескам, я не желаю.

– Ты пиши, пиши.

– Я буду. Но мне тебя жалко. Вот смотри, десять вывесок в месяц, по пять тысяч, каждая, будет пятьдесят тысяч в месяц. Двадцать процентов от пятидесяти тысяч, это десятка. Десять тысяч в месяц, это более-менее хоть, ничего.

– Да что ты?! Это шикарный заработок. Я могу об этом только мечтать.

– Десять тысяч? – презрительно говорю я.

– Малыш, а сколько ты думаешь люди зарабатывают?

– Плевать мне на людей! Ты же не «люди». Работать целый день, каждый день, всю жизнь, при этом не зарабатывать даже десять тысяч в месяц?! Бросай ты такую работу, к черту! Пойми, ведь ты за эти деньги продаешь свою свободу! Разве твоя свобода стоит, хотя бы и десяти тысяч в месяц?

– Бросить эту работу. И что делать?

– Искать другую, более перспективную. Но этот твой бизнес, он ничего. Я думаю, здесь можно заработать десятку-другую в месяц, если правильно все поставить. А если по сорок минут тратить на получение (только получение) тридцатипятидолларового заказа, это сколько вывесок нужно принять за месяц, чтобы заработать хоть ту же жалкую десятку?

– Я понимаю... Но где их взять, крупных заказчиков?

– Это, примерно, полторы тысячи заказов в месяц. В день, это, примерно, пятьдесят заказов. Сейчас, я тебе точно на калькуляторе посчитаю: шестьдесят три заказа в день. А ты тратишь, по сорок минут на прием одного заказа. Выходит, тебе нужен... сорока-пятидесятичасовой рабочий день, чтобы выйти на нужный оборот, а в сутках всего лишь 24 часа. Десятка, выходит нереальная задача, при такой постановке дела. Понимаешь? Ты белка в колесе. Бежишь, силы тратишь, а все же, стоишь на месте.

– К сожалению, это реальность. Мечтать и фантазировать можно сколько угодно. Ты в этом бизнесе мало понимаешь, поэтому тебе все так легко кажется.

– Да тут понимать нечего! Это элементарная логика. Как дважды два четыре. Тратить сорок минут на тридцать пять долларов глупо. Мне не нужно знать спе-

цифики бизнеса, чтобы понимать элементарное. Поставь себе цель: десять заказов, по пять тысяч, в месяц. Положи на это все свое время и силы. Не отвлекайся на мелочевку. Ты увидишь другие результаты.

– А кто мой рент платить будет? Кто зарплаты будет платить?

– Неужели у тебя за год работы даже не накопилось запасов, чтобы несколько месяцев без заказов выстоять?

– Откуда? Мы же все тратим. Живем ни в чем себе не отказывая.

– Так давай напряжемся какое-то время! Накопим запас.

– А как скопить запас, если мелкие заказы не брать?

– Делай как хочешь! – говорю я, наконец. – Если тебя устраивает все как есть, меня подавно устраивает. Мне деньги вообще не нужны. Я на тысячу долларов могу год жить. У меня другие приоритеты. Только, знаешь, как этот бизнес твой называется?

– Как? – улыбается Гарик.

– Мышиная возня.

– Ты витаешь в облаках. Ты попробуй, открой хоть такой.

– Я свою свободу ни за десять, ни за двадцать тысяч не продам! Чем за копейки поработать себя, лучше совсем не работать! Работай, как я, один месяц в году. Будешь так же, как я, нищим, но зато свободным. Если уж отдаться в рабство, так только за большие деньги!

– За какие же деньги ты готова продать свою свободу?

– Нет таких денег. Я ни за какие. Мне деньги вообще не нужны, я тебе уже говорила, но ты мне не веришь. Конечно, если бы речь пошла о том, чтобы за какое-то очень короткое время, заработать такую сумму, от которой весь ход жизни поменяется... Тогда, пожалуй, я бы согласилась.

– А! И какая же это сумма?

– Миллион долларов, например.

– Сколько? Сколько ты сказала? Фантазерка моя!

– Ну, да, миллион – это нереально. Вот я и не работаю.

– А за миллион бы работала?

– Но только при условии, что миллион этот заработать за очень короткое время. Год, или два. Нет смысла тратить на жалкие деньги – свою жизнь.

– Не забывай, ты женщина. Ты можешь позволить себе, так рассуждать. Я мужчина.

– И что?

– Я не могу, как ты, работать один месяц в году. Меня никто не поймет. Я буду выглядеть в глазах людей дегенератом.

– Плевать мне на людей. Я – тебя пойму. В моих глазах, ты выглядишь хуже, когда работаешь на всю катушку, а получаешь при этом – гроши. Так, ты бедный и к тому же, порабощенный мужчина. А так, ты бедный, но свободный. Какой лучше?

– Малыш, пойми ты. Это реальность.

– Ты сам себе эту реальность делаешь. Смирись с этим, вот и твоя реальность. А ты не смирись. Брось. Или большая рыба, или к черту.

– Фантазерка ты моя... – смеется Гарик.

– Да нет, ты, просто, меня не понимаешь – отчаявшись убедить Гарика заключаю я.